

Во всех видах работ, представленных в пособии, реализована идея использования текста как основы создания на уроках русского языка развивающей речевой среды.

ЛИТЕРАТУРА

ФГОС. Русский язык. Тематический контроль: рабочая тетрадь: 5 класс [Текст] / Под ред. И.П. Цыбулько. – М., 2014.

СОВЕРШЕНСТВУЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ

В.П. МОСКВИН | О категориях словообразовательной стилистики

Волгоград

В статье рассмотрены виды стилистической окраски аффиксов, наиболее заметные ее источники, а также механизмы и основные тактики экспрессивного словотворчества.

Ключевые слова: *словообразовательная стилистика; стилистическая окраска; экспрессивное словотворчество; авторский неологизм.*

Предметом словообразовательной стилистики следует считать выразительные возможности аффиксов и приемы экспрессивного словотворчества.

Рассмотрим виды стилистической окраски аффиксов. Как и лексическим единицам, аффиксам присущи три вида окраски.

1. Экспрессивная [лат. *expressio* 'выразительность'], отражающая эмоциональные состояния субъекта: одобрение, почтение, уважение, ласковое отношение либо неодобрение, пренебрежение, презрение, иронию, насмешку, снисходительность, порицание, уничтожительность: уменьш.-ласк. или пренебр. *-ишк-/-ышк-* (*солнышко, городишко*), неодобр. *-ляв-* (*костлявый*), *-ан-/-ян-* (*интриган, грубиян*), неодобр. или ирон. *-ак(а)/-як(а)* (*гуляка, служака*) и др. Внутренняя форма экспрессивных дериватов связана с натуралистическими деталями (презрит. *сопляк, слюнтяй*), отрицательно коннотированными предметами (*осел* ~ глупость → шутол. фам. *ослить* 'глупо остерить', *козел* ~ неприятный голос → пренебр. *козлить* 'петь фальшиво'), гротескными искажениями реальности (бран. *губошлеп, лоботряс*, пренебр.

горлодёр). Производству слов, которые «выражают разные оттенки положительной или отрицательной оценки (ласку, уничтожительность, одобрение и т.п.), а также обозначают уменьшительность или увеличительность» [Русская разговорная речь 1981: 109], служит экспрессивное словообразование. Производные слова с уменьшительными суффиксами, или гипокоризмы [греч. *υποκορισμός* 'льстивая речь'], выражают ласку: *Рази́нь, душёнъка, свой ротик, я тебе положу этот кусочёк* (Гоголь). Такие слова характерны для фольклора: *Из-под камёшка, из-под серого Водича течет. Что за речёнкой за быстрою Зеленой садик цветет* (Народная песня), используются при стилизации народной речи:

А народу в купе между тем многова́то поднабралось. Тут у окна, например, дядёнъка с бородкой. Тут же рядом и старушечку Бог послал. И какая это вредная, ядовитая старушечка попалась – все локтем пихается: «Расселся, – говорит, – дьявол». (Зощенко).

По определению Аристотеля, гипокоризм «делает меньше и плохое, и хорошее» [‘Αριστοτέλους 1848: 388]. Гипокоризмы, произведенные от слов, обозначающих «плохое», т.е. от негативно коннотированных слов, либо шутливо и ироничны: *Иудушка Головлев* (Салтыков-Щедрин), либо пренебрежительно: *трусийка*.

Москвин Василий Павлович, доктор филол. наук, профессор Волгоградского гос. соц. пед. ун-та. E-mail: vasily-ms@yandex.ru

2. Тематическая, т.е. стилистическая окраска, соответствующая одному из трех тематических стилей – высокому, среднему и сниженному: высок. *нис-/низ-* (*нисходить, низвергать*), *вос-/воз-* (*восхотеть, возгореться*), сниж. *-яг(а)* (*стиляга, деляга*). Возвышению стиля способствует употребление церковнославянских, архаичных аффиксов. К снижению стиля, а зачастую и к выходу деривата за пределы литературной речи ведет использование метаплазмов – приемов фонетической перделки слов, в частности апокопы (т.е. усечения концовки), ср. *заместитель* и *зам*, *университет* и жарг. *универ*. Сниженная окраска характерна и для усеченно-суффиксальных дериватов (*высотка, трешка, алкай*), которые «нередко несут печать вульгарности» [Русская разговорная речь 1981: 123], ср.: *видак, общага, фотка, потрясый*. Если разговорной речи свойственны усечение длинных слов (*кило* вм. *килограмм*) и «суффиксация как средство конденсации многословных наименований» (*маршрутка* вм. *маршрутное такси*), то для книжных стилей характерна противоположная тенденция: «максимальное сохранение мотивирующей основы», что способствует «прозрачности структуры слова» [Виноградова 1984: 35 и 180]. Отсюда закономерность, состоящая в относительной краткости сниженной и разговорной лексики по сравнению с высокой и книжной.

3. Функционально-стилистическая: 1) разговорная, связанная: а) с выражением различных оттенков экспрессии: *-ак-/як-* (*простак, здоровяк*), *-ун-* (*крикун, говорун*), *-аш(а)/-яш(а)* (*мамаша, Дуняша*), *-ловк(а)* (*обираловка*); б) с компрессией: *-овк-* (*спецовка*); 2) книжная, связанная, в частности, с обозначением: а) социально значимых оценок: публ. *-щин(а)* (*бериевщина, штурмовщина*), *-истск-* (*пропагандистский, популистский*); б) абстрактных понятий: *анти-* (*античастица, антимир*), *ультра-* (*ультразвук, ультрафиолетовый*), *-ств-/ -еств-* (*достоинство, ученичество*), *-тельств-* (*доказательство, вмешательство*), *-ани[ж]/-ени[ж]-*, *-ость-/ -есть-* (*святость, схожесть*), *-изм-* (*дарвинизм, прозаизм*), *-аци[ж]-* (*специ-*

ализация), офиц. *не-* (*невыполнение, неявка*), науч. *-ит-* (*бронхит, трахеит*), *-ем-* (*фонема*).

Для научной речи характерно использование аффиксидов греко-латинского происхождения, например: *-лог-* (*филолог, геолог*), *-скоп-* (*телескоп, перископ, микроскоп, дефектоскоп*).

Каждая из трех типов окраски способна «вызвать представление о той или иной “среде” или обстановке, обстоятельствах, где они употребляются наиболее естественно и часто» [Виноградова 1984: 3], а значит, дать представление о социальном статусе того, кто употребляет соответствующим образом окрашенные средства.

В языковой системе существуют эстетические запреты и ограничения на использование отдельных аффиксальных дериватов. Так, давно замечено, что у многих существительных (*хирург, профорг, педиатр*) отсутствуют парные женские названия. Это вызвано тремя причинами: а) артикуляционным неблагозвучием, ограничивающим такие дериваты шутливой либо иронической речью: *хируржка, профоржка* (произношение этих слов «сопряжено с фонетически затрудненными чередованиями»); б) слова типа *бухгалтерша, премьерша, врачиха* двусмысленны, т.е. воспринимаются «как названия жены бухгалтера или врача либо же как иронические или пренебрежительные названия женщин по этим профессиям» [Мучник 1971: 221–222]; в) многие из таких дериватов (*геологиня, критикесса, редактриса*) вызывают, по оценке И.П. Мучника, ощущение «безвкусной претенциозности». Дело в том, что эти слова порождают паразитарные ассоциации (*геологиня ~ богиня; критикесса ~ принцесса, редактриса ~ актриса*). Таким образом, «система суффиксальных средств существительных оказалась не в состоянии удовлетворить потребность языка в ряде новых женских названий лиц по профессии и специальности» [Мучник 1968: 38 и 31].

В наиболее авторитетных отечественных курсах стилистики (И.В. Арнольд, В.Д. Бондалетова, И.Б. Голуб, М.Н. Кожин, О.А. Крыловой, Д.Э. Розенталя и др.) стилистической характеристике служебных морфем уделено достаточное внимание; гораздо меньший

интерес составителей таких курсов вызывают описание и систематизация целого ряда приемов, рассмотренных ниже.

Для производства выразительных авторских неологизмов используются приемы ономастопеи [греч. *ὀνοματοποιία* 'словотворчество'], которая, по определению Дементия Фалерского (350–283 до н.э.), является искусством создания «самодельных слов» [Δημητρίου 1743: 72]: а) обозначающих предметы, не имеющие названий; б) экспрессивных синонимов к уже существующим словам. Условимся использовать термин ономастопея в смысле, вложенном в него филологами Античности. Среди приемов ономастопеи Аристотель называет словосложение, посредством которого образуются «двойные слова» с необычной внутренней формой: *многоликое небо*, *высоковершинная земля* [Aristotelis 1833: 170]; греческий филолог Трифон Александрийский выявил приемы ономастопеи «по этимологии, по аналогии, по близкочувствию, через изменение, через разделении» [Τρίφωνος 1856: 196] и др. Рассмотрим современные тактики экспрессивного словотворчества.

1. Скорнение (вставочное словообразование, контаминация, междусловное наложение, телескопия) – объединение общим звуковым компонентом: 1) слов: *Рекачкачайка* (моностих В. Каменского) < *река*, *качка*, *качай*, *чайка*; 2) слов или их частей: а) с отсечением концовки первого: *демокрад* < *демократ* + *крад*- (ср. *конокрад*); б) с отсечением инициальной части второго: *репуста* < *реп(а)* + *(ка)пуста*; в) с отсечением концовки первого и инициальной части второго: *сельдерошек* < *сельдер(ей)* + *(го)рошек*:

Показал садовод
Нам такой огород,
Где на грядках, засеянных густо,
Огурбузы росли,
Помидыни росли,
Редисвёкла, челсук и *репуста*,
Сельдерошек поспел,
И моркофель дозрел,
Стал уже осыпаться *спаржовник*.
(Н. Кончаловская).

Как видим, общая звуковая часть находится в центре «скорнённых» слов. Окказионализмы данного типа (*демокрады*, *КПССоветы*) особенно харак-

терны для современной прессы, где они используются в оценочной функции [Бекетова 2014: 16]: *Бандюкович пэрэмог Тимошенницу* (Аргументы и факты) < прост. *бандюк* + *(Ян)укович*, *Тимошен(ко)* + *мошенница*.

2. Параморфбза [греч. *παράμορφωσις* 'перестроение'] – замещение части слова близкочувственной единицей: а) равносложной: *прихватизация*, *Союзники* (заголовок статьи), *БеНзобразия!* (о росте цен на бензин), *грезидиум* (И. Ильф), *ерундиция*, *кресловутый бюрократ*, *квазиморда* (< *Квазимодо*); *Евгений Сазонов – душелюб и любовед* (В. Владин); б) неравносложной, что разрушает слоговую и акцентную структуру производящего слова, делая его менее опознаваемым, а прием – менее удачным: *горелУКОЙЛовое* (о фирме «ЛУКОЙЛ»), ср. *луковое*. Замена может иметь место: а) в начале слов: *грезидиум*; б) в середине: *благопрентяствовать*, *соцролизм*; в) в конце: *квазиморда*.

С учетом приведенных фактов трудно принять мнение В.З. Санникова [1999: 164] о том, что: а) при параморфозе «одно слово (или его часть) вклинивается в середину другого слова» (поскольку параморфоза может иметь место в начале, в середине и в конце слова); б) при скорнении «оба слова сохраняются полностью» (так как при скорнении может усекается конечная часть первого или начальная часть второго); в) параморфоза представляет собой вид скорнения (ибо параморфоза и скорнение различны по своей технике).

3. Метатезное словообразование – взаимная перестановка частей контактирующих слов: *кнутренний вризис* (А. Измайлов), *дед Снегур и Морозочка* (М. Задорнов), *Нельзали у травмала Вокзай остановить?* (Маршак).

4. Рифмованное удвоение – производство слов путем: а) замены инициальной части производящего слова одним звуком (*Бобчинский* и *Добчинский*) или звукосочетанием: *танцышманцы*; б) добавления начального звука или звукосочетания в слове: *Рюши на ней*, и *трюши* и *черт знает чего не было* (Гоголь); *аты-баты*, *Африка-шмафрика*; в) повторения его концовки: *Карла-Марла* (< Карл Маркс),

страсти-мордасти. В любом из случаев такого удвоения совпадают концовки производного и производящего слов, что создает эффект паронимасии (т.е. рифмовки).

Если мы сопоставим комбинаторные предпочтения корней *чит(ать)*, *пляс(ать)* и *агит(ировать)* в отношении суффиксов *-тель-*, *-ец-*, *-ун-* и *-атор-*, то придём к выводу, что в русском языке существуют ограничения: а) на соединение единиц разноязычного происхождения, особенно автохтонных или освоенных языком единиц с единицами неосвоенными (т.е. варваризмами); б) на соединение разностилевых единиц. Нарочитое нарушение этих двух ограничений даёт эффект, лежащий в основе: а) макаронического стиля; б) бурлеска. Рассмотрим возможность этих двух стилей в сфере словотворчества.

5. Макароническое словообразование — соединение разноязычных морфем [подробнее см.: Москвин 2011: 53–65]. Макаронические дериваты представлены двумя позиционными типами:

А. Препозитивный тип, предваряющий морфему автохтонного языка по формуле «Ин + А», где «Ин» — иноязычная, «А» — автохтонная морфема:

Зима! Пейзанин, экстазуя,
Ренувелирует шоссе,
И лошадь, снежность ренифлюя,
Ягуарный делает эссе.
Пропеллером лансуя в'али,
Снегомобиль рекордит дали,
Шофер рулит; он весь в бандо,
В лонетках, маске и манто.
Гарсонит мальчик в акведуке:
Он усалазил пса на ски,
Мотором ставши от тоски,
Уж отжелировал он руки.
Ему суфрантный амозман,
Вдали ж фенетрится маман.
(Н. Лохвицкая (Тэффи)).

Поскольку эта номинативная тактика традиционно используется при образовании терминов, данный подстиль макаронической речи именуется *педантеской* [итал. *lingua pedantesca* 'речь ученого педанта'].

Б. Постпозитивный тип, подчиняющийся формуле «А + Ин»: ирон. *коекакер* (М. Задорнов), фам. ирон. *старушенция*, шутол. *бумаженция*, *книженция*, фам. *свинтус*. Подстиль, основан-

ный на использовании дериватов данного позиционного типа, называют *макароникой* [итал. *lingua macaronica*]. Макароника вступает в комический конфликт с грамматикой, а поэтому используется в сатире и юморе:

Хирурги

Будь за аннум анно
К нему постоянно
Судьба благосклонис
Своими донис!
Пусть не знает иных он более,
Кроме песты, веролес,
Резис, коликас, воспалениас
И кровотечениас!

Хор

Виват, виват,
Виват ему стократ!
Виват докторус новус,
Славный краснословус!
Тысячу лет ему кушаре,
Милле аннис попиваре,
Кровь пускаре и убиваре!
(Ж.-Б. Мольер. «Мнимый больной»).

6. Столкновение стилистически различных морфем, в результате чего возникает бурлескная лексика, ср. офиц. *сменяемость*, *наполняемость*, *непотопляемость* и шутол. или ирон. *выступаемость*, *огрызаемость*, *рукоподнимаемость*, *досковытираемость*, *под-парты-залезаемость* (в юмористическом рассказе о школе) [примеры приводятся в статье: Виноградова 1972: 185], высок. *сладкогласие* и шутол. *козлогласие*, высок. *церемиада* и шутол. *футболиада*, спец. *астероид*, *андроид* и ирон. презрит. *ельциноид*, *чубайсоид*, спец. *бронтозавр*, *ихтиозавр* и ирон. презрит. *зюганозавр*, *жиринозавр*, книжн. *силлогизм*, *силлогистика* и шутол. *ерундизм*, *ерундистика*.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что приемы ономапоии связаны прежде всего с производством окказиональной лексики, т.е. «самодельных слов» (Деметрий). Вместе с тем «окказионализмы показывают, на что способен язык при порождении новых слов, каковы его творческие потенции, глубинные силы» [Земская 1992: 180]. Современные курсы стилистики обходят вниманием рассмотренные выше приемы экспрессивного словотворчества. Между тем их изучение способствует развитию креативных умений, а значит, и творческого начала в речевой компетенции учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

Бекетова Н.А. Экспрессивное словообразование в современных медиатекстах (на материале суффиксальных имен существительных): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2014.

Виноградова В.Н. Стилистический аспект русского словообразования. – М., 1984.

Виноградова В.Н. Стилистические средства словообразования // Стилистические исследования. – М., 1972.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. – М., 1992.

Москвин В.П. Макароническая речь: история и типология // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. – 2011. – № 5.

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. – М., 1971.

Мучник И.П. Глава вторая. Формирование особого подкласса существительных общего рода // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. – М., 1968.

Русская разговорная речь. – М., 1981.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 1999.

Ἀριστοτέλους τέχνης ρητορικῆς // Aristotelis opera omnia: graece et latine. – Parisiis, 1848. – Vol. I.

Aristotelis De rhetorica libri tres. – Oxonii, 1833.

Δημητρίου Φαληρέως περί Ἑρμηνείας. – Glasguae, 1743.

Γρύφωνος. Περὶ τρόπων // Rhetores graeci / Ex recognitione Leonardi Spengel. – Lipsiae, 1856. – Vol. III.

Л.Л. ШЕСТАКОВА,
А.С. КУЛЕВА

Москва

Слова редкого употребления в поэзии О. Мандельштама

(Из опыта наблюдений)

Редкие слова в произведениях О. Мандельштама рассматриваются на основе данных «Словаря языка русской поэзии XX века». Анализируются лексемы единичного употребления — устаревшие, специальные, стилистически окрашенные и др.

Ключевые слова: *редкие слова; словарь поэтического языка; устаревшие слова; термины; стилистически окрашенная лексика; имя собственное.*

Лексикон любого писателя, поэта включает в себя единицы, разные по языковым свойствам и степени употребительности. Определенную его часть составляют редкие слова, к которым обычно относят лексемы низкочастотные, непонятные или не вполне понятные современному носителю языка. Создание словарей редких слов — это заметная тенденция в современной лексикографии (см.: [Карпова 2012; Шестакова 2013]). В словарях этого типа систематизируются устаревшие, забытые, малоизвестные и т.п. слова, в том числе выбранные из

произведений конкретных авторов [Редкие слова 1997; Иллюстрированный словарь 1998; Рогожникова, Карская 2005; Сомов 2006; Бахвалова, Попова 2007; Гусева 2007 и др.].

Лексемы ограниченного употребления фиксируются не только в словарях типа глоссариев. Большой пласт таких единиц аккумулирует в себе сводный «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП). Материалом для Словаря, объединяющего в себе черты регистрирующего и объяснительного справочников, послужило творчество десяти русских поэтов, в число которых вошел и Осип Мандельштам.

Поэтический язык Осипа Мандельштама в лексикографическом отражении выглядит, казалось бы, не так ярко, как, например, язык Цветаевой или Хлебникова. Можно сказать, что своеобразие

Шестакова Лариса Леонидовна, доктор филол. наук, ведущий научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: lara.shestakova@mail.ru

Кулева Анна Сергеевна, кандидат филол. наук, научный сотрудник ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. E-mail: an.kuleva@gmail.com